

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.04

А.М. Ранчин

© Ранчин А.М., 2022

ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И ОБ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПАМЯТНИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается гипотеза Н.С. Демковой о создании «Слова о полку Игореве» в 1195–1196 гг., когда в Южной Руси происходила междоусобная борьба, в которую были вовлечены почти все князья. Доказывается, что в древнерусской «песни» отсутствуют отсылки к событиям этих лет. Также анализируется модификация этой гипотезы – идея А.В. Кизима, согласно которой автор «Слова...» симпатизирует не Ольговичам, как считала Н.С. Демкова, а их противникам Ростиславичам из клана Мономаховичей. Обосновывается несостоятельность этого утверждения. Скорее всего, произведение было создано по горячим следам свершившегося, когда память о горестном Игоревом походе была еще жгучей и тревожащей. Призыв к князьям отомстить за разгром Игорева войска и защитить Русь от половецких набегов и трактовка возвращения новгород-северского князя как символической победы над степняками должны были восприниматься особенно сильно именно в ближайшие годы после событий, описанных автором «повести».

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве»; интерпретация; датировка; авторская позиция; символические коды.

Получено: 20.07.2022

Принято к печати: 16.08.2022

Информация об авторе: Ранчин Андрей Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 119991, Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

Для цитирования: Ранчин А.М. Еще раз о датировке «Слова о полку Игореве» и об авторской позиции в памятнике // Литературоведческий журнал. 2022. № 4(58). С. 65–80. DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.04

Andrey M. Ranchin
© Ranchin A.M., 2022

ONCE AGAIN ABOUT THE DATING OF “THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN” AND ABOUT THE AUTHOR’S POSITION IN THE MONUMENT

Abstract. The article considers the hypothesis by N.S. Demkova about the creation of the “Tale of Igor’s Campaign” in 1195–1196, when an internecine struggle took place in Southern Russia, in which almost all the princes were involved. It is proved that in the Old Russian “song” there are no references to the events of these years. A modification of this hypothesis, the idea of A.V. Kizim, according to which the author of the “Tale...” sympathizes with the Rostislavichs from the Monomakhovich clan, but not with the Olgovichi, as N.S. Demkova claims. The inconsistency of this assertion is substantiated. Most likely, the work was created in hot pursuit of what happened, when the memory of Igor’s woeful campaign was still burning and disturbing. The call to the princes to avenge the defeat of Igor’s troops and protect Russia from the Polovtsian raids and the interpretation of the return of the Novgorod-Seversky prince as a symbolic victory over the steppes should have been perceived especially strongly in the coming years after the events described by the author of the “tale”.

Keywords: “The Tale of Igor’s Campaign”; interpretation; dating; author’s position; symbolic codes.

Received: 20.07.2022

Accepted: 16.08.2022

Information about the author: *Andrei M. Ranchin*, DSc in Philology, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1st building of humanitarian faculties, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, 119991, Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0414-5106>

E-mail: aranchin@mail.ru

For citation: Ranchin, A.M. “Once Again about the Dating of ‘The Tale of Igor’s Campaign’ and about the Author’s Position in the Monument”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(58), 2022, pp. 65–80. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2022.58.04

Как известно, датировка «Слова о полку Игореве» является предметом неутихающих научных дискуссий¹. Если нижняя граница, *terminus post quem* (по крайней мере, если говорить об известной нам редакции текста), определяется абсолютно точно – это 1188 г., когда Владимир Игоревич вернулся из плена с Кончаковной и малолетним сыном, то в отношении верхней границы такой определенности нет². Более-менее очевидным рубежом является май 1196 г., когда умер Всеволод, так как ему провозглашается не только слава, но и здравица: «пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича, Буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плѣки. Княземъ слава, а дружинѣ» [9, 46]³. Однако период с 1188 по 1196 г. – это все-таки довольно большой промежуток, и вполне естественно желание более точно локализовать памятник на временной оси.

Одна из попыток такого уточнения была предложена Н.С. Демковой и совсем недавно развита А.В. Кизимом⁴. Н.С. Демкова предположила, что такой эпизод, как сон Святослава, предвещающий его собственные смерть и похороны, не мог появиться до реальной кончины великого князя Киевского, произошедшей в 1194 г. На мой взгляд, такое заключение небесспорно, так как ис-

¹ Я принимаю гипотезу о создании «Слова...» спустя некоторое время после похода Игоря, в конце XII в. (хотя и не считаю это положение бесспорно установленным фактом), и, соответственно, не рассматриваю позицию так называемых скептиков, считающих, что «Слово...» – мистификация конца XVIII в., а также не останавливаюсь на достаточно экзотических предположениях о написании памятника в XVI или начале XVIII столетия.

² О том, что Игорев сын вернулся из плена не в 1187 г., как традиционно утверждалось, а в 1188-м, напомнил А.А. Горский, сославшийся на установленный Н.Г. Бережковым факт – датировку известия об этом событии не мартовским, а ультрамартовским годом. См.: [3, с. 29–37].

³ Текст «Слова...» цитируется по первому изданию 1800 г. с сохранением всех особенностей орфографии и пунктуации, а также разбивки на лексемы. Соображение, что славу могли петь и покойному князю и, главное, что Всеволод не относится к числу князей, которым провозглашается здравица, ни на чем не основано и служит некоторым исследователям инструментом подгонки свидетельства текста под заданные концепции, относящие создание памятника к самому концу 1190-х годов или к первым десятилетиям XIII в. Ср. обзоры датировок: [7, с. 246–251; 16, с. 209–220].

⁴ См.: [10].

ходит из презумпции тождества представлений исследователя и древнерусского книжника о том, что допустимо и недопустимо. В «Слове...» зловещий сон – символический эквивалент поражения Игоря Святославича, нанесенного ему половцами, а вовсе не реальное предвестие будущей смерти сновидца: именно так его фактически толкуют Святославовы бояре. Непонятно, как должны соотноситься подразумеваемая автором и вспоминаемая его аудиторией действительная смерть князя, случившаяся спустя девять лет после описанных в «песни» событий, и катастрофа, которой закончился поход новгород-северского князя.

Но у Н.С. Демковой и А.В. Кизима имеется еще один аргумент: по их мнению, призыв к князьям «закрыть Полю ворота» и «постоять за раны Игоревы» был актуален в 1195–1196 гг., во время междоусобицы, начавшейся на следующий год после Святославовой смерти.

Как замечает Н.С. Демкова: «Гипотеза о создании памятника в 90-е гг. XII в. объясняет тот фрагмент “Слова”, где говорится о прекращении борьбы князей с половцами (в 80-е гг. XII в., вплоть до 1193 г., борьба была энергичной), о корыстных мотивах их политики» [4, с. 48]. С распрей 1195–1196 гг. она соотносит фрагмент «Слова...» «О! стонати Руской земли, помянувшє пръвую годину, и пръвыхъ князей! Того стараго Владиміра не лъзѣ бѣ пригвоздити къ горамаъ Кієвскимъ: сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нѣ рози ся имѣ хоботы пашуть, копіа поють» [9, с. 37]⁵, якобы упоминающий о союзе вокняжившего в Киеве после Святославовой смерти Рюрика Ростиславича с братом смоленским князем Давыдом, которым досталась власть прославленного Владимира Киевского (кем бы его ни признавать – крестителем Руси Владимиром Святославичем или Владимиром Всеволодовичем Мономахом). Эту же «катору» она считает историческим фоном для высказывания «Усобица Княземъ на поганя погыбе, рекоста бо брать брату: се мое, а то моеже <...>» [8, с. 19]⁶. Параллель из летописи: требование Всеволода Большое Гнездо к Рюрику Ростиславичу: «Вы есте нарекли мѣ во своемъ племени <...> старѣишаго. а нынѣ сѣдѣлъ еси в Кієвѣ. а мнѣ еси

⁵ Принятая конъектура: «нѣ розно ся». См., например: [19, с. 26].

⁶ См.: [4, с. 48].

части не оучинилъ в Роуской землѣ. но раздалъ еси инѣмъ» [13, стб. 683]. Всеволод потребовал дать ему Треполь, Канев и еще два города в Киевской земле, которые Рюрик передал своему зятю Роману Мстиславичу. Именно это требование и обида, нанесенная Рюриком зятю, послужили первопричиной и «триггером» последующей войны.

Слова из древнерусской «повести» о посягательстве князей на чужие владения Н.С. Демкова также соотносит с высказанным в 1195 г. требованием Всеволода, Рюрика и Давыда к черниговским князьям – «навсегда отказаться от притязаний на киевский престол» [4, с. 47]. По мнению исследовательницы, ««Слово» было создано в защиту черниговских Ольговичей» [4, с. 48].

Однако для такой трактовки нет необходимых оснований. Представляется намного более очевидной в «Слове...» аллюзия не на события междоусобицы 1195–1196 гг., в которой участвовали Рюрик и Давыд, а на ситуацию 1185 г., когда смоляне Давыда отказались идти походом на юг против вторгшихся на Русь половцев, в то время как Рюрик вместе с соправителем Святославом Всеволодовичем оказали степнякам решительный отпор. Трудно не согласиться с иным, распространенным толкованием. Приведем его в формулировке В.П. Адриановой-Перетц: «Бунчуки у стягов, развевающиеся врозь, – символ враждебных действий, или действий, направленных в разные стороны, которые и в летописном языке выражаются словами “розно”, “разно”: “Твои щит и мои не разно еста” (Ипат. лет., 1150 г.); печенеги “побегоша разно от града” (Ипат. лет., 968 г.); “половци землю нашу несутъ розно” (там же, 1097 г.). В переводе Флавия: “Начаша разно воевати” <...>; «разно сътворити» <...> и т.п. – Слова *сего бо нынѣ* подчеркивают, что их написал автор вскоре после события, представленного в этом образе врозь развевающихся знамен: в 1185 г. Давид отказался выступить со своим войском вместе с дружинами Рюрика в общий поход против половцев. Современникам такого намека было достаточно, чтобы понять, насколько важно было напомнить о тяжелых для Русской земли последствиях княжеских распрей. Потому-то и вспомнил об этой розни автор сразу после горестного восклицания: *О, стонати Рускои земли, помянувшие пръвую годину и пръвыхъ князеи!* Это самый близкий и непосредственно связанный с неудачей похода Игоря факт из цепи княже-

ских “крамол” и “усобиц”. Голос современника прозвучал в этом *нынѣ*. Именно потому, что совсем свежим в памяти автора был отказ Давида пойти вместе с братом против половцев, он и вспомнил Ростиславичей дважды: первый раз, похвалив их храбрую дружину, он призвал их: *вступита въ златъ стремень за обиду сего времени*, второй раз укорил за несогласие, помешавшее борьбе с половцами» [1, с. 169].

Интерпретация, изложенная В.П. Адриановой-Перетц, полностью соответствует ситуации, сложившейся после поражения Игорева войска, – вторжению половцев Гзака и Кончака в земли южнорусских княжеств – и призыву автора «песни» к русским князьям «постоять за раны Игоревы»⁷. Этот призыв был актуален в 1185-м и в несколько последующих лет. К 1195–1196 гг., спустя десять лет, он потерял остроту, насущный смысл. Действительно, во время этой распри Русь не предпринимала походов в Степь. Однако и от половцев в эти годы, судя по молчанию летописей, никакой угрозы не исходило. В это время они воевали на Руси, но только в качестве союзников князей – участников междоусобицы. Половцев привлек на свою сторону Рюрик: «Рюрикъ же приведе братью свою и дикыи Половци. и почаша воеватиса со Сѣлгови[†]» [13, стб. 695]⁸. Ярослав Всеволодович с обидой говорил Рюрику: «чемоу еси брате. почаль волость мою воевати. а поганымъ роуцѣ полнишь» [13, стб. 694], но и сам, чтобы обороняться от Давида и Всеволода Большое Гнездо, пригласил на подмогу «дикыи Половци» [13, стб. 698].

Один из призывов автора к князьям отомстить за Игоря и «закрыть Полю ворота» обращен именно к Всеволоду Большое Гнездо: «Великий Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти! Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ» [9, с. 28].

В 1188 г. или вскоре после него такое обращение имело определенный, хотя скорее не политический, а условный, поэтический и эмоциональный, смысл. В середине 1190-х годов оно ста-

⁷ Эти обращения к князьям, несомненно, не приписаны Святославу Киевскому, а принадлежат непосредственно автору. См. обзор точек зрения по этому поводу и аргументацию такого понимания: [16, с. 228–229].

⁸ Ср.: [13, стб. 690, 694].

новилося абсурдним: Всеволод дійсно втручався в южно-руські справи і згадав про «отнем златом столе» – однак не як захисник, а як арбітр і верховний владитель. Мало того – вельми це саме його вимога про отриманні своєї частини влади і доходу на юзі сталося першопричиною распри 1195–1196 гг.: «<...> заводчиком этого зла был не бес, а человек, и притом сам “старейшина” Володимерова “племени”. <...> Требуя себе части в “Русской земле” (Киевщине), Всеволод сам вызвал на юге нарушение крестоцелования» [17, с. 148]. Такую роль владимиро-суздальского правителя признает и Н.С. Демкова, приводя процитированные выше строки Б.А. Романова⁹. Обращение к Всеволоду как к одному из хранителей Южной Руси от половецких набегов в середине 1190-х годов выглядело бы неуместным.

Что касается нападений автора древнерусской «повести» о княжеских расприх и посягательстве на чужие земли, то эти случаи были почти постоянными. Видеть в них намерение Всеволода Большое Гнездо к Рюрику дать «часть» в Южной Руси, как это делает Н.С. Демкова, едва ли есть основания, тем более что владимиро-суздальский князь обосновывал свои притязания неписаным законом, старшинством: на нем и основывалось его право на земли Киевской земли. И Рюрик Ростиславич, и Ольговичи, согласно рассказу Киевской (Ипатьевской) летописи, эти претензии признавали законными.

Н.С. Демкова, принимая конъектуру о «розно» развевающихся стягах Рюрика и Давыда, также находит в «Слове...» отсылку к ситуации, возникшей в 1195 г., когда киевский князь, не согласовав свое решение с братом, передал во владение Ольговичам Витебск, где княжил Давыдов зять; в дальнейшем Давыд вместе со Всеволодом Большое Гнездо вторгся во владения черниговских князей, в то время как Рюрик искал с главой их клана Ярославом Всеволодовичем примирения. По характеристике Н.С. Демковой, «[в] это время как Давид Ростиславич решительно выступил вместе с великим князем Всеволодом Суздальским и его вассалами – рязанскими и муромскими князьями против Ольговичей, Рюрик видимо, помня об особом статусе великого киевского князя, хотел, как пишет об этом его летописец, “свести в любовь” враждующих

⁹ См.: [4, с. 72, прим. 32].

князей, несмотря на то что ранее сам призывал Всеволода выступить в поход против Ольговичей» [5, с. 171].

Однако изложение событий 1095 г. в Ипатьевской летописи хотя и свидетельствует о несходстве позиций двух братьев-князей, но не сообщает о том, что это был серьезный раскол. Н.С. Демкова обратила внимание на известие Лаврентьевской летописи, в котором различие отношения к Ольговичам Рюрика, с одной стороны, и Давыда и Всеволода Большое Гнездо – с другой, выражено более определенно: киевский князь вопреки первоначальному соглашению с братом и с Всеволодом начал искать союза с Ярославом и его родней: «Рюрикъ же не оуправи своеє рѣчи и приступи къ Ъльговиче^м» [12, стб. 413]. Однако это сообщение не дает достаточных оснований для вывода исследовательницы, являющегося не более чем гадательным: «Эти колебания Рюрика, хотя и недолгие, зафиксированные современной летописью, позволяют думать и о других возможных случаях расхождения и “розни братьев”, оказывающихся в различно ориентированных военных союзах» [5, с. 171–172]. Совсем не очевидно, что готовность Рюрика заключить мир с Ольговичами вылилась в «военный союз», направленный против брата и поддержавшего его суздальского властителя. А главное: нежелание Давыдова войска в 1185 г. выступить против половцев, чтобы поддержать Рюрика, – одно из событий, связанных с поражением князя Игоря Святославича, т.е. с темой «Слова...». Расхождение же позиций Рюрика и Давыда прямо с этой темой никак не связано. Это не очень яркий и не выразительный пример княжеского несогласия, в том числе и потому, что один из братьев, Рюрик, выступил как умиротворитель. Противопоставлять «старого Владимира», совершавшего победоносные походы в далекие земли, было уместно не Рюрику – участнику междоусобицы 1095–1096 гг., а Давыду, в 1185 г. не выступившему против половцев на помощь Святославу Киевскому и родному брату.

В противоположность Н.С. Демковой А.В. Кизим трактует аллюзию на разногласия между Рюриком и Давыдом Ростиславичами как свидетельство не симпатии, а отрицательного отношения автора к Ольговичам. Эта интерпретация выглядит вполне логичной: в самом деле, упрекать Ростиславичей в несогласии можно

было бы как раз в случае отрицательного отношения автора к клану родичей Игоря: «То, что он здесь осуждает Ростиславичей, показывает, что он, вероятно, на их стороне» [10]. Вопрос заключается лишь в том, имеется ли в тексте «Слова...» такая отсылка к событиям 1195–1196 гг. и относится ли создатель «песни» к черниговским князьям отрицательно.

Что касается отсылок к междоусобице середины 1190-х годов, как я пытался доказать, их в древнерусском памятнике попросту нет. Но нет и негативного отношения как к Игорю Святославичу, так и к Ольговичам в целом. Оценка автором главного героя сложна, неоднозначна, о чем свидетельствуют взаимоисключающие интерпретации произведения. Выразительный пример трактовки авторской позиции в «Слове...» как осуждения Игоря – утверждение Б.А. Рыбакова: «Все приведенные слова поэта – тяжелый обвинительный акт князю Игорю от имени погубленных им воинов, их жен и вдов, от имени всей Руси и ее великого князя, от имени православной и католической Европы» [18, с. 491]. Историк признает, что в «Слове...» присутствует не только отрицательная оценка персонажа, но и сочувствие и жалость по отношению к нему, но считает отказ древнерусского книжника от однозначно сурового обличения политически мотивированным, обусловленным особыми причинами: автор – «русский патриот, осуждающий проигравшего битву честолюбца и смиряющий свое осуждение ради общего дела» [18, с. 491]. Не менее яркий случай противоположного понимания – относительно недавно предложенная С.О. Малевинским интерпретация «песни» как своего рода апологии и даже панегирика князя Игоря, как произведения, созданного с целью обеспечить его права на киевский престол¹⁰. Сама возможность появления диаметрально противоположных истолкований одного и того же текста – выразительное свидетельство его многозначности. Доказывая мысль о негативной оценке Игоря автором «Слова...», А.В. Кизим указывает на ряд примеров, большинство из которых неоднократно упоминались и прежде, в частности Б.А. Рыбаковым. Вот они. Во-первых, Игорь повел себя не по-христиански, горделиво перед знаменем-затмением. Во-вторых, он заявлял своим воинам: «луцежь бы потяту быти, неже по-

¹⁰ См.: [11]. См. также мою критику этой концепции: [14].

лонену быти» [9, с. 5], а сам попал в плен, что считалось позорным и для воина, и для полководца. В-третьих, Игоря Святославича за понесенное пораженное осуждают окрестные народы: «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святѣславлю кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкѣя, рускаго злата насыпаша» [9, с. 23]. В-четвертых, Игоря и его брата Всеволода упрекает Святослав Киевский: «о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролѣясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!» [9, с. 26]. В-пятых, автор крайне отрицательно оценивает Игореву деда Олега Святославича-«Гориславича» как одного из инициаторов распрей на Руси. В-шестых, в «Слове...» присутствует ирония над князем Игорем и другими князьями – участниками злосчастного похода: «Дремлетъ в полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далечѣ залѣтело; небылонѣ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронѣ, поганый Половчине» [9, с. 11]. Потерпевшие поражение от степняков Ольговичи оказались как раз порождены «на обиду» от половцев.

Эти аргументы неравноценны. Видящий знамение – солнечное затмение Игорь действительно ведет себя отнюдь не как смиренный христианин. В этом можно видеть проявление греха гордыни, хотя не очевидно, что автор оценивает поступки Игоря мерой христианских ценностей, а не воинских доблестей. Но даже если признать, что автор поведение новгород-северского князя однозначно осуждает как самонадеянное, из этого еще вовсе не следует, что таково отношение к главному герою «песни» в целом. Намного более сильным выглядит замечание о разительном контрасте между заявлением Игоря о готовности умереть, но не попасть в плен и произошедшим позднее пленением. Однако следует учитывать, что «Слово...» – художественный текст, построенный на использовании символических, в том числе мифологических кодов (среди них мотив временной смерти и воскресения)¹¹. Поражение и пленение князя Игоря в символично-мифологическом коде

¹¹ Символично-мифологические коды «Слова...» были замечательно проанализированы Б.М. Гаспаровым. См.: [2].

трактруется как смерть, а его бегство из плена, описываемое по модели волшебной сказки, – как посрамление половцев, как победа¹². Окрестные народы «кают» Игоря за поражение. Но это осуждение, к тому же выражаемое «чужими», иноплеменниками, – элемент оппозиции, прославление победоносного Святослава Киевского – негативная оценка Игоря. Значимо оно не столько само по себе, сколько в рамках этой антитезы. К тому же глагол *кают* может означать не только ‘осуждают, бранят’, но и ‘жалеют, оплакивают, причитают’¹³. Святослав Киевский в своем «златом слове», несомненно, обличает Игоря и его брата Всеволода за самочинный поход. Но он и скорбит об Игоре и Всеволоде, выражая любовь и сострадание к ним, когда изрекает свое «злато слово слѣзами смешено» [9, с. 26]. Что касается обличения Игорева деда Олега «Гориславича», то, как известно, внук за деда не отвечает. Не ответствен Игорь и за распри, зачинщиком которых был Олег. Мало того: если дед, начиная поход в далеком Тмудорокане, вел половцев на Русскую землю, то сын, напротив, идет в поход из Руси на степняков, причем, как говорят бояре Святославу Киевскому, конечной точкой и целью был именно Тмудорокань – дедина новгород-северского князя и его брата¹⁴. И наконец, Олег «Гориславич» «Слова...» – фигура не одиозная, а скорее трагическая: он князь-изгой, воевавший за отцовское достояние. Это обстоятельство отражено в Повести временных лет, и читатели «песни» об Игоревом походе не могли не помнить о причинах развязанных «Гориславичем» «катор»¹⁵.

Вовсе не бесспорно и мнение об ироническом смысле характеристики «Олегова гнезда». Эти слова можно, вероятно, понимать так: Ольговичи не были судьбой порождены, чтобы терпеть «обиду» от степняков, но произошел некий излом их участи, и они

¹² См. об этом: [16, с. 69–76].

¹³ См. об этом: [6, с. 31–38].

¹⁴ Ставить себе реально такую цель Игорь едва ли мог, тем более что Тмудорокань тогда находился, по-видимому, под властью Византии. Такая конечная точка похода – эпическая гипербола. Однако соответствие упомянутой в «Слове...» цели похода историческим фактам при интерпретации авторского отношения к Игорю не имеет значения.

¹⁵ См. об этом подробнее: [16, с. 122–125].

все же оказались побеждены¹⁶. Игорь и его родичи, совершив поход, переменили свою прежнюю, счастливую участь: счастье отступило от них. При таком понимании фрагмента «Слова...» гипотетическая ирония исчезает.

Вместе с тем в «Слове...» встречаются неоднократные примеры положительной оценки как Ольговичей в целом, так и Игоря и его брата Всеволода. Это характеристика «Олговичи храбрыи Князи dospѣли на брань» [9, с. 32]; описание смелости Всеволода Буй-Тура в бою; величание Игоря рекой Донцом; метафора Игорь – голова Русской земли («Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣтворца старого времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря» [9, с. 44]); уподобление вернувшегося из плена Игоря солнцу («Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли» [9, с. 44]); финальные славословие и здравица князьям, воюющим за христиан против язычников половцев.

Игорь представлен в «Слове...» храбрым, но самонадеянным князем. Отношение к нему отчасти подобно трактовке главного героя в «Песни о Роланде»: Роланд так же повинен в грехе гордыни, из-за чего гибнет его отряд. Но вместе с тем он мужественный воин, достойный высочайшей похвалы.

Таким образом, стоит признать, что в «Слове...» нет явных аллюзий на события междоусобицы 1195–1196 гг. Мало того: свидетельства текста противоречат гипотезам о существовании таких отсылок. Достаточных оснований отодвигать время создания памятника на семь, восемь или более лет от последнего упомянутого в нем события, возвращения на Русь Владимира Игоревича, нет. Категорически отрицать эту возможность нельзя. Но такую датировку невозможно обосновать. Скорее всего, произведение было создано или непосредственно в 1188 г., когда произошло это событие, или вскоре после него, по горячим следам свершившегося, когда память о горестном Игоревом походе и его последствиях

¹⁶ В связи с этим существенно, что судьба древними славянами мыслилась не как «полная предопределенность жизни человека от рождения до смерти», а как «многократный выбор между счастьем и несчастьем» [8, с. 70]. Реликты этих представлений могли быть значимы для автора «Слова...», в котором встречаются мотивы и образы дохристианского происхождения.

была еще жгучей и тревожащей¹⁷. Призыв к князьям отомстить за разгром Игорева войска и защитить Русь от половецких набегов и трактовка возвращения новгород-северского князя в символическую победу над степняками должны были восприниматься особенно сильно именно тогда, а не в годы, когда нападения половцев на русские земли прекратились и страх перед куманами уступил место горечи, которую принесли княжеские междоусобицы.

Список литературы

1. *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 202 с.
2. *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1984. 405 с.
3. *Горский А.А.* Проблема даты создания «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве» / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 29–37.
4. *Демкова Н.С.* Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретация, источники: сб. статей. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. 220 с.
5. *Демкова Н.С.* Из комментария к тексту «Слова о полку Игореве»: «сего бо нынѣ стаща стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 55 / отв. ред. Л.В. Соколова. С. 162–172.
6. *Дмитриев Л.А.* Глагол «каяти» и «река Каяла» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. Т. 9 / ред. В.П. Адрианова-Перетц. С. 31–39.
7. *Дмитриев Л.А.* Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1: А – В. С. 246–251.

¹⁷Здесь нет возможности разбирать иные примеры относительно поздней (концом XII или даже самым началом XIII в.) датировки «Слова...», принадлежащие другим исследователям. Их гипотезы также основываются на якобы присутствующих в произведении отсылках к тем или иным историческим событиям. См. о них: [15, с. 366–368; 16, с. 213–219].

8. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (Древний период) / отв. ред. И.И. Ревзин. М.: Наука, 1965. 247 с.
9. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: В Сенатской типографии, 1800. VIII+47 с.
10. Кизим А.В. «Слово о полку Игореве» против Игоря Святославича // Урал. 2022. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2022/3/slovo-o-polku-igoreve-protiv-igorya-svyatoslavicha.html> (дата обращения: 24.05.2022).
11. Малевинский С.О. Пиар по-древнерусски. Об идеологии и прагматике «Слова о полку Игореве» // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 286–313.
12. Полное собрание русских летописей. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. 199 стб.
13. Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. XVI+87 с.+938 стб.+IV с.
14. Ранчин А.М. «Загородите полю ворота!», или Как не должно трактовать «Слово о полку Игореве» // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 314–355.
15. Ранчин А.М. О новой книге А.Н. Ужанкова и о проблемах изучения «Слова о полку Игореве» // Литературный факт. 2017. № 4. С. 358–376.
16. Ранчин А.М. «Слово о полку Игореве»: Путеводитель. СПб.: Нестор-История, 2019. 276 с.
17. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. 2-е изд. / отв. ред. Н.Е. Носов. М.; Л.: Наука, 1966. 240 с.
18. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 514 с.
19. Слово о полку Игореве / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 484 с.

References

1. Adrianova-Peretts, V.P. *“Slovo o polku Igoreve” i pamyatniki russkoi literatury XI–XIII vekov* [*“The Tale of Igor’s Campaign” and Monuments of Russian Literature of the 11th – 13th Centuries*]. Leningrad, Nauka Publ., 1968, 202 p. (In Russ.)
2. Gasparov, B.M. *Poetika “Slova o polku Igoreve”* [*The Poetics of “The Tale of Igor’s Campaign”*]. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1984, 405 p. (In Russ.)

3. Gorskii, A.A. "Problema daty sozdaniya 'Slova o polku Igoreve'" ["The Problem of the Creation Date of *The Tale of Igor's Campaign*"]. *Issledovaniya "Slova o polku Igoreve"* [Studies of "*The Tale of Igor's Campaign*"], ed. D.S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 29–37. (In Russ.)
4. Demkova, N.S. *Srednevekovaya russkaya literature. Poetika, interpretatsiya, istochniki. Sbornik statei* [Medieval Russian Literature. Poetics, Interpretation, Sources. Collection of Articles]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 1997, 220 p. (In Russ.)
5. Demkova, N.S. "Iz kommentariya k tekstu 'Slova o polku Igoreve': 'sego bo nynē stasha styazi Ryurikovy, a družii – Davidovy'" ["From the Commentary to the Text of *The Tale of Igor's Campaign*: 'sego bo nynē stasha styazi Ryurikovy, a družii – Davidovy'"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Institut russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, vol. 55, ed. L.V. Sokolova, pp. 162–172. (In Russ.)
6. Dmitriev, L.A. "Glagol 'kayati' i 'reka Kayala' v 'Slove o polku Igoreve'" ["The verb 'kayati' and 'the river Kayala' in *The Tale of Igor's Campaign*"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Institut russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1953, vol. 9, ed. V.P. Adrianova-Peretts, pp. 31–39. (In Russ.)
7. Dmitriev, L.A. "Vremya sozdaniya 'Slova'" ["The time of creation of the 'Tale'"]. *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "*The Tale of Igor's Campaign*"]: in 5 vols. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, vol. 1, 1995, pp. 246–251. (In Russ.)
8. Ivanov, Vyach.Vs., Toporov V.N. *Slavyanskije yazykovye modeliruyushchie semioticheskie sistemy. (Drevnii period)* [Slavic Language Modeling Semiotic Systems. (Ancient Period)], ed. I.I. Revzin. Moscow, Nauka Publ., 1965, 247 p. (In Russ.)
9. *Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nogo knyazya Novgoroda Severskogo Igorya Svyatoslavicha, pisannaya starinnyim russkim yazykom v iskhode XII stoletiya, s perelozheniem na upotrebliaemoe nyne narechie* [Heroic Song about the Campaign against the Cumans of the Appanage Prince of Novgorod Seversky Igor Svyatoslavich, Written in the Old Russian Language at the End of the 12th Century, Transcribed into the Dialect Used Today]. Moscow, Senatskaya tipografiya Publ., 1800, VIII+47 p. (In Russ.)

10. Kizim, A.V. “Slovo o polku Igoreve’ protiv Igorya Svyatoslavicha” [*The Tale of Igor’s Campaign* against Igor Svyatoslavich]. *Ural*, no. 3, 2022. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural/2022/3/slovo-o-polku-igoreve-protiv-igorya-svyatoslavicha.html> (date of access: 25.05.2022). (In Russ.)
11. Malevinskii, S.O. “Piar po-drevnerusski. Ob ideologii i pragmatike ‘Slova o polku Igoreve’” [“PR in old Russian. On the ideology and pragmatics of *The Tale of Igor’s Campaign*”]. *Voprosy literatury*, no. 2, 2010, pp. 286–313. (In Russ.)
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [*Complete Collection of Russian Chronicles*]. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1927, vol. 1, 2nd ed., issue 2, 199 cols. (In Russ.)
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [*Complete Collection of Russian Chronicles*]. St Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1908, vol. 2, XVI+87 pp.+938 cols.+IV pp. (In Russ.)
14. Ranchin, A.M. ““Zagorodite polyu vorota!”, ili Kak ne dolzhno traktovat’ ‘Slovo o polku Igoreve’” [“Block the gates of the field!”, or How *The Tale of Igor’s Campaign* Should Not Be Interpreted”]. *Voprosy literatury*, no 2, 2010, pp. 314–355. (In Russ.)
15. Ranchin, A.M. “O novoi knige A.N. Uzhankova i o problemakh izucheniya ‘Slova o polku Igoreve’” [“About the New Book by A.N. Uzhankov and the Problems of Studying of *The Tale of Igor’s Campaign*”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4, 2017, pp. 358–376. (In Russ.)
16. Ranchin, A.M. “*Slovo o polku Igoreve*”. *Putevoditel’* [“*The Tale of Igor’s Campaign*”. *A Guide*]. St Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 276 p. (In Russ.)
17. Romanov, B.A. *Lyudi i nruvy Drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.* [*People and Customs of Ancient Russia. Historical and Everyday Essays of the XI–XIII Centuries*], 2nd ed., ed. N.E. Nosov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 240 p. (In Russ.)
18. Rybakov, B.A. *Russkie letopistsy i avtor “Slova o polku Igoreve”* [*Russian Chroniclers and Author of “The Tale of Igor’s Campaign”*]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 514 p. (In Russ.)
19. *Slovo o polku Igoreve* [*The Tale of Igor’s Campaign*], ed. V.P. Adrianova-Peretts. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950, 484 p. (In Russ.)